

Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах.

Т. 7. Статьи, рецензии и заметки, декабрь 1843 -- август 1845.

Редактор тома Г. А. Соловьев. Подготовка текста В. Э. Богграда. Статья и примечания Ю. С. Сорокина.

М., "Художественная литература", 1981.

[OCR Бычков М. Н.](#)

МЕТЕОР, НА 1845 ГОД. Санкт-Петербург. В тип. Штаба Отдельного корпуса внутренней стражи. В 8-ю д. л. 175 стр.

Не пугайтесь этого метеора: он не страшен. Мы даже думаем, что вы и не заметили бы его появления на горизонте современной русской литературы, если б мы не заговорили о нем с вами. Этот "Метеор" -- невинный сборник разных стишков, из которых иные, право, недурны, хотя и не отличаются особенными красотами поэзии. Времена переходчивы! Подобно альманахам, стихи были в большой моде, и появившись эта книжка в свое время, то есть лет *двадцать* или уж по крайней мере лет *пятнадцать* назад,-- она наделала бы большого шума, журналы и хвалили и бранили бы ее, спорили бы из-за нее друг с другом, как будто из-за дела; публика покупала и читала бы ее. Ничего этого теперь не будет с нею. Ей нечего опасаться и брани; ее не тронут даже по лености; читать же ее советуем всем -- на сон грядущий: в этом отношении действие "Метеора" ни с чем не сравнимо; мы испытали это на самих себе и даже среди белого дня. Признаемся, это обстоятельство заставило нас порадоваться за успех русской литературы. Наша стихотворная поэзия по справедливости может гордиться созданиями истинно изящными, именами истинно гениальными; нельзя сказать, чтоб она бедна была и талантами. Она совершила цикл полный и законченный,-- так что теперь уже нет возможности доставать славу невинными стишками, как бы они хороши ни были. Таланта для этого мало: нужна гениальность, а если и талант, то соединенный с большим умом, с сильною натурою. Быть поэтом теперь значит -- мыслить поэтическими образами, а не щебетать по-птичьи мелодическими звуками. Чтоб быть поэтом, нужно не мелочное желание выказаться, не грезы праздношатающейся фантазии, не выписные чувства, не нарядная печаль: нужно могучее сочувствие с вопросами современной действительности. Поэзия, которой корни находятся в прихотях, скорбях или радостях самолюбивой личности, носящейся, как курица с яйцом, с своими прекрасными чувствами, до которых никому нет дела,-- такая поэзия, вместо внимания, заслуживает презрение. Всякая поэзия, которой корни не в современной действительности, всякая поэзия, которая не бросает света на действительность, объясняя ее,-- есть дело от безделья, невинное, но пустое препровождение времени, игра в куклы и бирюльки, занятие пустых людей... Давно уже утвердилось мнение, и существует до сих пор, что поэт -- пустой человек, неспособный ни к какому делу. Это мнение варварски ложно, когда оно прилагается к поэтам или гениальным, или проявившим в своих творениях положительный, никакому сомнению не подлежащий талант,-- талант, запечатленный оригинальностью идеи, самобытностью формы. Пусть такой поэт и действительно неспособен ни к какому другому делу: он имеет на это полное право, потому что способен к *своему* делу, для которого годятся не все, но один из ста тысяч, если не из миллиона людей. Это мнение страшно истинно, когда оно прилагается к тем поэтам, у которых, вместо таланта, есть только способность к поэзии; которых сочинения, как говорится, только что недурны и которые, став выше бездарности, все-таки не дошли до таланта. Такие поэты -- самые жалкие люди в мире, и, конечно, всякий водовоз, всякий дворник на лестнице общественной иерархии есть почтенное существо в сравнении с этими пискливыми и крикливыми воробьями царства поэзии, потому что водовоз и дворник полезны и необходимы для общества. Совершенно бездарный поэт лучше маленьких талантиков: на него по крайней мере можно смотреть, как на больного или помешанного, и он редко заносится и зазнается, не балуемый мелочными успехами. Но маленькие талантики -- несносные люди, раздражительные, мелочные, самолюбивые, заносчивые. Они не знают, как и оцепить себя; их чувствованьица, их фантазийки, их мыслишки кажутся им великими открытиями. Они и не догадываются, что все это у них краденое, то есть вычитанное, или, как превосходно выразил это Лермонтов, "пленной мысли раздраженье"¹. Они уверены, что только одни они и чувствуют, и мыслят, и страдают,-- и потому нещадно бранят толпу, которая предпочитает свои домашние заботы и личные выгоды их хорошеньким стишкам. К делу они неспособны ни к какому, потому что самолюбивы, надуты, тщеславны, все, кроме стишков, считают ниже себя, не хотят ничему учиться, ни на что посмотреть со вниманием. Они --